

такая история. Он был мальчишкой в войну и пошел ...пошел... его
 взяли и направили на курсы , значит, младших командиров. Уже
 накануне выпуска им выдали оружие, а у него был дико ненавидимый
 им командир, который дико над ними издевался. И над ним, в частности.
 Наверно, за то, что он был такой красавец, и интеллигентный очень,
 и тонкий очень. В общем там была какая-то сцена, которую я забыла.
 Но по-видимому, она напоминала мое состояние, когда я побежала убивать
 своего редактора. Он выхватил пистолет, вот этот самый Дима и хотел
 палить. Его схватили и он выпустил несколько... несколько выстрелов
 сделал, но не попал, потому что его держали. Все пули прошли мимо.
 И его тут же судил трибунал и он был приговорен к расстрелу...

Original in the
 Howard Gottlieb Archival
 Research Center
 Boston University

P.: Это еще во время войны было.

N.: Да, это в войну было. И тогда ему предложили КГБшники, что
 ему заменят... да и он сидел в камере смертников. И они выждали
 какое-то время. Потом вот предложили, что вот если он завербует
 и будет хорошо работать, то они отменят... добьются отмены приговора.
 Ну, не добьются, а просто обещали ему это. И он согласился.
 И даже вместо того, чтобы сидеть 17 лет или 15 лет там, вместо
 смертной казни, его послали в штрафную роту. А штрафники до
 первой крови... И ему по-моему, в первом же бою отстрелило
 мизинец. И его все сразу стали поздравлять... До первой крови.
 Он даже не понимал этого. И поскольку он хотел писать и печататься,
 то он им исправно служил. И уже тогда он пол-видимому понял...

Да и вот после войны мы с ним как-то подружились. Потому что
 я старалась ему помочь, не зная, что он стукач. Пыталась помочь,
 чтобы его хоть первую вещь напечатали. Он был не без способностей
 человек. Не талант, но способный. И никак он не мог пробить...
 Вот его не начинали печатать. Хуже печатали, а его - нет.

P.: Выезет...

N.: Да. И он однажды пришел ко мне, мы что-то разговорились, и он
 рыдая рассказал мне всю эту историю. Ну, рассказал там, про
 камеру смертников, про то, как он сидел, вообще вот все это!
 В общем он мне сказал, кто он такой. Так что я это знала. А он
 в это время стал по-видимому стал очень стараться... он понял, что

1-16
 ↓
 6 side 2
 16-28

для того, чтобы начать печататься, ему надо по их линии пойти. И он стал писать рассказы из жизни... о ЧК, о чекистах, и действительно это ему очень потом покормило много лет.

P.: Ну, какая у них... были ли например добровольные стукачи?

H.: Это другое дело.

P.: Это уже неинтересно, дело ... потому что просто они сволочи.

H.: Конечно.

P.: И психология их неинтересно, потому что сволочь просто безнравственный человек и особенно интересного в таком нет.

H.: У нас сейчас, вот на одном этаже со мной живет эмигрант, который вот явно был таким типом, потому что он сейчас пишет клеузы на всех.

P.: Такая привычка остается.

H.: Да, не может . не может от нее избавиться.

Иногда приносит вред. Один эмигрант уехал на 2 месяца в... но это старики все, на SSI живут, уехал на 2 месяца в Израиль. Он сразу накатал в SSI, в этот департамент, Security. И когда тот приехал, его вызвали. Он подтвердил и его сняли с пособия на 2 месяца. Вот такой сука.

P.: Это сука. А более интересные - это люди, которые были против своей воли завербованы.

H.: Да, для меня - да. И когда я Вам сказала, что со стукачами не все так просто, вы это имела в виду. Понимаете? Что было большое количество людей, которые не хотели этого. Они в какую-то минуту или слабость проявили, испугались очень, или... это было вопросом жизни и смерти. И если там эта кладовщица согласилась - да у нее двое детей было, а мужа убили на войне. Так что же ей было ийти на 10 лет детей бросать. Но правильно она сделала. Только она еще нашла выход. Не работать на них.

P.: Ей повезло.

H.: Это вот тоже, мне кажется, особенность русского человека, который... в общем есть поговорка, о которой Вы конечно слышали: "От тюрьмы да от сумы не отказывайся". То есть... сума - это если ты будешь просить милостыню,

P.: Нищая сума...

Н.: Да, и от тюрьмы никогда русский человек никогда не мог отказаться. Это всегда была возможность для него.

Р.: Это часть его судьбы.

Н.: Да, а нравственность была отдельно. Понимаете. И если в интеллигентах она была уже истреблена, может быть потому что интеллигенции было больше что терять, а может потому что нервы слабее... не знаю... в простых людях это сохранялось. Вот простой здравый смысл. Понимаете? Что если ей десятку сидеть, детей бросать, и еще как там бухет, лучше завербоваться, а потом все-таки ...все-таки вывернуться.

И никаких в общем ... проблем моральных не было.

Р.: Сложностей моральных никаких нет. Потому что это надо обмануть начальство. Это тоже по той же линии. Надо их обмануть, чтобы жить более или менее.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Н.: Да так вот Дима, о котором я рассказываю, ... Меня выгнали с работы и я нигде не могла устроиться. Меня нигде не брали. Он меня предупредил, что меня собираются арестовать.

Р.: Дима?

Н.: Дима, который... был приговорён к расстрелу.

Р.: Точно, да...

Н.: А он уже в это время крутился в более высоких кругах, в этой сфере, потому что он уже писал о них, и он уже вроде был уже свой.

Р.: Да.

Н.: Замечательно, что потом... есть такой поэт Лева Друскин. Никогда о нём не слышали? Он стал хорошим поэтом. У него был полиомиелит. И он парализован всю... Сейчас ему наверно лет 65 или 66 уже, он живет в Тюбингене, в ФРГ. Так вот, сын Димы, который ушел из дому, потому что там начались неладья, перешел жить к Лева Друскину, молился на него и на его жену, называл их приемным отцом и матерью, потом, когда у Лева начались ужасные неприятности в результате которых он вынужден был уехать: на него завели уголовное дело, на этого лежачего человека, который еле-еле скрюченными руками может что-то сделать и у которого такие вот

ножки, коротенькие совсем вот, палочки, потому что по-моему в десять месяцев он заболел, и вот так у десятимесячного ребенка у него ноги и остались. Он лежачий всю жизнь.

Так он его продал.

P.: Он его продал.

H.: Он продал...

P.: Дима его... Дима...

H.: Не Дима, а сын Димы...

P.: Сын Димы продал этого...

H.: Димы, по-моему уже в это время в живых не было. Дима довольно рано умер. Я думаю, что он был глубоко несчастен, потому что он был очень слабый, но в основе своей он был поряхочный человек, и все, что он бьделал, было из трусости или из слабости, понимаете?

P.: Да.

H.: Кроме того, он был наверно сломлен вот смертным приговором, и вообще всем, что на него свалилось. Это было не это была биография слишком просторная для этого человека. Знаете, он должен был быть баловнем судьбы в общем. Ему должно было все удаваться. Женщины, карьера, какая-то...

P.: Литература, женщины, удовольствия...

H.: Он не был создан для таких испытаний. Так вот он меня предупредил и в общем конечно меня спас, потому что как ни странно, ведь во

времена террора, все любые времена террора достаточно было убежать куда-то, чтобы чаще всего вас уже больше не тронули. И люди, люди разумные так спасались.

P.: А куда вы девались?

H.: Я уехала в Воронежскую область, в ... пошла в каком-то районе узнать, не надо ли им в газете работника. Выяснила, что нет, у них штат полный. Пошла на почту там районную, и стала звонить по районам. И в одном месте мне сказали, что да, что нужно. Что им нужен секретарь редакции. И я туда поехала ...

P.: И там работали...

H.: Да, и там работала и вернулась в 50-м году.

P.: И сколько лет Вы там проработали? Два года?

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Н.: Полтора...

Р.: Полтора года. Тихо там сидели до того момента, когда Вы чувствовали, что можно вернуться.

Н.: Да, но дело ведь в том, что у меня же была квартира.

Р.: В Ленинграде.

Н.: В Ленинграде, то есть та комната, которую я отвоевала с таким трудом...

Комната, жилплощадь...

Р.: Одна из восьми комнат.

Н.: Да, но это была жилплощадь уж, неважно комната - не комната, а прописка.

Р.: А все-таки это был дом...

Н.: Конечно, и единственный дом, потому что нигде нельзя было получить жилплощадь.

Р.: Какие осложнения...

Н.: Вот, тогда было все очень сложно. Были выборы. На выборы нужен был паспорт. И я не могла прописаться там, где я работала, потому что я бы потеряла Ленинградскую прописку сразу. Значит, это я сказала, что я не буду у них прописываться. Вот хотят, нужен им работник, я буду у них работать. Но прописываться я не буду. И они как-то с этим примирились и даже не требовали от меня временной прописки. Но не участвовать в выборах нельзя было в то время, за это посадили бы, за одно это. Разыскали бы, уж тут они бы разыскали... Поэтому я свой паспорт посылала заказным письмом соседке, которая шла голосовать за себя, а потом брала мой паспорт и шла голосовать за меня. И голосовала.

Р.: И таким образом Вы исполняли свой гражданский долг.

Н.: Да, а... там я голосовала...то есть...

Р.: Два раза даже?

Н.: А как же... я же там работала, я же там должна была голосовать. Я голосовала по удостоверению редакционному.

Р.: И приняли это.

Н.: Да, принимали это. Глушь, это глубинка, там все знали друг друга. Так что... Вот...

Р.: Я хотел бы задать два вопроса. Вернемся...к сказкам немножко,

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

2

потому что мы начали говорить немножко о сказках и я задал Вам такой вопрос: Если Вам надо было выбрать какую-то русскую сказку, в которой Вы найдете какой-то узор, похожий на узор Вашей судьбы, какая это будет сказка. Есть такая любимая Ваша сказка или очень Вам значительная сказка, сказка похожая на Вашу судьбу?

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Н.: Да, я люблю сказку, которую я, между прочим, записала на войне в Белоруссии. Хотя это вроде русская сказка. И она так и не напечатана была, хотя мы ее упорно просовывали. Но напечатать ее не удалось. Она значит такая. Что... значит... в светлый весенний день, двое святых, Петр, нет Никола... Никола - очень... он покровитель крестьянства, так что он очень популярный святой ... Никола...

Р.: Среди народа...

Н.: Да... Никола и Касьян...

Р.: Касьян?

Н.: Касьян, да, стали проситься у Петра-ключаря... Он же ключарь, у него же ключи от...

Р.: ...неба...

Н.: У вас тоже?

Р.: Да. Такая традиция, да. Много анекдотов...

Н.: ... проситься на землю погулять. А... тот говорит: "Нет, я разрешить не могу, у Бога надо спросить". Они пришли тогда к Богу. Или нет. Кажется, Петр-ключарь сам пошел к Богу. И Бог сказал, что пускай идут, но чтоб одежды белые не выцпачкали, а то я разгневаюсь. ПИ вот они пошли... На земле такая весенняя сырость, травка вылезает... из земли, птицы уже поют. И вот они гуляют, значит, вдоль реки, наслаждаются, как хорошо, Божий мир хорош. И смотрят, мужичонка хотел вброд реку переехать, а телега у него застряла. Лошаденка у него худая, тощая, слабосильная. Замучился он с ней. Ничего с телегой не может сделать. Не может на берег выехать. Лошаденку хлещет, сам надрывается - не идет телега. Святые, значит, посмотрели, посмотрели. Петр говорит: "Надо бы помочь". А Касьян говорит: "Да ты что, так ведь нам велел Господь чистые одежды. А ты смотри - грязь какая=". Петр еще посмотрел,

С
К
2
3
К
2

подобрал свои светлые одежды, влез в грязь подобрался под эту телегу, поднял ее. Мужичонка, значит, нахлестал кобылешку, выехала телега. Вылез Петр, грязный весь, одежды все перепачканы... А Касьян стоит, подбоченясь, на берегу и смеется над ним.

Р.: Кто стоит?

Н.: Касьян, Касьян... Второй...

Р.: Это Коля и Касьян...

Н.: А?

Р.: Никола и Касьян...

Н.: Да, Никола и Касьян.

Р.: Никола помог, а Касьян смеялся.

Н.: А Касьян смеялся над ним, значит, злорадствовал, что ему попадет От Бога, от Господа. Но в общем делать нечего, уж гулять - какое тут гуляние, пошли они, вернулись на небо. Петр, значит, так и ахнул, когда увидел Петра...

Р.: Николу, значит...

Н.: То есть, Николу. И послал...пошли они к Господу, предстали пред очи. Господь увидел Петра, нахмурился... И говорит: "Ты что же меня ослушался. Я же велел, чтобы одежды светлые не запачкать". А Никола говорит: "Да, вот, Господи, как вышло..." И рассказывает ему, а Господь спрашивает: "А ты, Касьян, чего делал?" Касьян молчит, а Петр говорит: "Касьян на берегу стоял, смеялся". И тогда сказал Господь: "Тебя, Никола, за то, что ты моего гнева не побоялся, одежды перепачкал и мужику помог, будут праздновать два раза в году. А тебя, Касьян, за то, что ты на берегу стоял, одежды свои берег, будут праздновать раз в четыре года". И вот день Касьяна - 29 февраля. То есть високосный год.

end сказки

Вот, пожалуй, это моя любимая сказка, одна из самых любимых. Она так и не напечатана.

Р.: Не напечатана.

Н.: Нет.

Р.: И какое Вы видите насчет своей судьбы значение этой сказки?

Н.: Что я всю жизнь стараюсь поступать как Петр, не как Касьян.

Р.: Не как Касьян.

Н.: Да.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Ruth Bonner

23

Р.: Ну, вот совсем другая тема. Можно внести совсем другую тему?

Н.: Конечно...

Р.: Потому что, я думаю что достаточно говорили о послевоенном периоде и я хотел бы теперь поговорить немножко о Руфи Григорьевне, как Вы

встретились первый раз? Помните? Это было в доме на Пушкинской?

Н.: Нет. Нет. Это было... Вы знаете, что я не помню, как мы с ней

познакомились и когда это было. У Руфы была легенда, что это был 46 год, но в 46 году я не была знакома с Люсей еще.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Р.: А через Люсю...

Н.: Только через Люсю, да. Мы с Люсей познакомились в начале 50-х годов.

Р.: В Ленинграде?

Н.: В Ленинграде. Она же жила в Ленинграде. И Институт кончала, и школу кончала в Ленинграде.

Р.: Да.

Н.: Вот. Так что я... с Руфой познакомилась в доме у Люси.

Р.: В Ленинграде. Ну, приблизительно в начале 50-х годов.

Н.: Думаю, что да.

Р.: Да. Вы подружились с ней или это было потом?

Н.: Нет, это было позже. Она уже жила в Москве тогда.

Р.: На Чкалова.

Н.: На Чкалова. Я не знаю, я РУФУ очень любила. Руфи была свойственна... Руфи было свойственно... вот если так сказать: была ли Руфа умным человеком? Она была иногда... как прорицательница умна, то есть она иногда понимала то, чего никто не понимал из окружающих и понимала, что из этого выйдет.

Р.: Дальновидная?

Н.: А?

Р.: Дальновидная... в этом смысле.

Н.: Она была вот в эти минуты умнее всех окружающих. Понимаете?

Умнее Андрея, умнее Люси, которые безусловно умные люди. Может быть, потому что она слишком близко видела дьявола и смотрела ему в глаза столько лет и понимала эту дьявольскую натуру может быть судьбы, я не знаю, как это назвать.

Р.: Ну, конечно, она старше тоже, но она родилась там в Сибири,

R

U

T
H

и уже в молодости узнала, что такое ссылка, что такое каторга, потому что она мне сказала, что многие... уже сидели и она часто...

Н.: Выключите, пожалуйста.

Р.: Выключить?

Н.: Да, я хотела бы...

Р.: Вы хотели бы что-то интересное сказать?

Н.: Да.

Р.: Я хотел бы услышать какие-то подробности, инциденты, анекдоты, переживания, которые дадут колорит вот именно этого периода.

Годы хрущевские.

Н.: В Хрущевские годы я уже ушла с работы. И жила только на литературные заработки и занималась домом на Пушкинской. И поэтому уже окончательно выпала из "социума", чего я всегда хотела.

Я говорила, что всю жизнь мечтала получать от государства ренту.

Р.: Аренду, да?

Н.: Нет, ренту. То есть какие-то... и действительно я уже в это

время вышла на пенсию и работала... вот мы работали над фольклором взаим с Зюечкой. И строила дом на Пушкинской, стояла в смысле душевном.

Так что у меня нет особых социальных воспоминаний об этом времени, понимаете?

Р.: Атмосфера тех лет, это была уже лучшая атмосфера, надежда уже возродилась...

Н.: Конечно. Хрущев, не пользующийся никакой любовью в народе, сделал невероятно много хорошего. Плохое он тоже сделал, но... был такой не анекдот, а выражение, игра, каламбур: Запустить, значит, перестать работать, запустил работу, совсем запустил работу, значит совсем перестал работать или работает плохо очень. И запустить, значит, - он запустил камнем, Понимаете? Это два совершенно...

Р.: В смысле бросил...

Н.: Да, Он запустил в него камнем. Так вот, такой был каламбур...

Р.: Запуск ракеты, например...

Н.: Вот. Был такой каламбур о Хрущеве, что он запустил спутник и запустил сельское хозяйство. Поняли?

Р.: Да, понял.

Н.: И как-то удивительно, что забывают, что сколько хорошего сделал

Original in the
Howard Gotlieb Archival
Research Center
Boston University

*Khrushchev
Years*

Хрушев, а поминант все его ошибки. Сейчас вышли... черт, я забыла кто изнаписал... их написал вообще шестерка, какой-то работник мелкий, который был свидетелем всего заговора вокруг Хрущева. Вы не читали? В советской печати обнаруженные мемуары, очень интересные. Как вот этот заговор был организован и какие ничтожества свалили Хрущева. Потому что он в общем был по натуре человек доверчивый, хотя конечно искусственный в этой борьбе политической, политиканской и тем не менее, он был очень доверчив, он не ждал такого. Его предали в общем все.

А то, что он сделал... я недавно... в Вене я встретила с одной эмигранткой, которая там... она только что выехавшая... стала говорить о Хрущеве и я ей стала говорить, подумайте сколько он сделал замечательного. Она сказала: "Вы знаете, я ни разу об этом не думала!"

Р.: Только наоборот.

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

Н.: Да.

Р.: Люди так привыкли к тому, что думать плохо.

Н.: А о Сталине же в народе живет хорошая память.

Р.: По сей день, да?

Н.: Конечно. Но вот я Вам сказала изречение этого самого, что вот скажут идти в атаку, и умирать не за кого, то есть это тот, за кого умереть можно. Ну и самое частое - при нем цены понижались.

Р.: Да, цены понижались, колбаса была и тротуары были чистые в Москве даже когда снег был. А теперь люди жалуются, что а все-таки при Сталине они чистили тротуары.

Н.: Я должна сказать, что при Брежнев я иногда говорила: "А все-таки Сталин бы этого не позволил".

Р.: Хуже стало при Брежнев насчет социального порядка, насчет тротуаров...

Н.: Конечно.

Р.: А все-таки колбаса была при Брежнев.

Н.: Ну, как, нет, уже потом плохо было.

Р.: Стало плохо.

Н.: Да, стало плохо. Я не знаю, я уже перестала к этому времени жить общественной жизнью какой бы то ни было. Во-первых, я устала отстаивать свою независимость. Понимаете, я была конечно не мед для администрации советской...

P.: Мягко говоря...

N.: Да, мягко говоря. И притом, что я была хорошим работником...
Ну, видите, когда я вернулась в Ленинград, в 50-м году, я очень быстро попала в медицинское издательство. И это были года, когда я была по-настоящему счастлива, потому что я нашла то, что я хотела. Это работа над научной литературой, которая... а меня больше всего на свете всегда интересовали биология и медицина.

P.: Правда, да.

N.: Да. То есть это самое для меня интересное. И лет пять, в общем на шестой год я достигла потолка... при котором мне нужны были бы специальные знания, то есть знание биохимии, которую я не знала, знание, скажем, этой самой, гематологии, то есть надо было уже систематическое образование. А до этого, то что можно было узнать просто... ну, я была довольно способным человеком и воспринимала хорошо информацию. Кроме того, я все время работала, редактировала диссертации, потому что платили медгизе мало и прожить на эти деньги нельзя, я редактировала диссертации. Каждая диссертация - это в общем монография, которая посвящена какому-то одному вопросу. И... в общем мне было очень интересно. А когда мне стало совсем уже неинтересно, я ушла. К этому времени у меня были уже сборники сказок и я уже могла уйти. Скоро довольно пошла пенсия. Медгиз

весь... вот врачей-убийц я пережила, живя в медгизе, работая в медгизе.

P.: Да, это хорошая как точка зрения..

N.: Да, я Вам расскажу...

P.: Это было бы интересно...

N.: Я Вам расскажу, какая анекдотическая история была. Не знаю, как здесь. Думаю, что и здесь так же, самое большое... емкое по труду и по времени - это переплетные работы, потому что книги в твердом переплете так дороги. Это занимает больше всего времени и больше всего труда. Хорошо переплетанная книга - это... Мы издавали издание, не знаю, не думаю, что это хорошее издание... "История советской медицины в годы Отечественной войны". Я не знаю, сколько там было томов - 15... я не помню, сколько томов. Это многотомное издание. Вероятно, там есть и интересные вещи и масса примазавшихся людей,

Dadov's Plot

которые конъюнктурно это делали все. Очередной том выходит, значит. Вот эти переплеты, называются крышные работы, то есть когда кроют книгу...

Р.: Крышные работы...

Н.: Да, крышные работы, они больше всего задерживают выпуск книги, потому что когда книга отредактирована, набрать и отпечатать — это делают машины, а переплет таких книг — это в общем делается практически вручную, ну, с какими-то усовершенствованиями, но все-таки это ручные работы. Они требуют квалифицированной рабочей силы, довольно дорогой. Тираж там был большой, потому что, ну, во-первых, всех членов партии обязывали подписываться на это издание, всех, там, не участковый врач, который бегаёт по вызовам, его не обязывали, это уже низ... как говорили, дальше передка не пошлют, то есть дальше передовой. Ну, так и с участковым врачом. Ниже куда же его денешь, никуда, значит, его не заставить, а вот мало мальски занимавшие какое-то место люди обязаны были подписаться на это, врачи, там профессора, доценты, их обязывали к этому.

В это время начинается дело врачей-убийц. Между прочим... я не сразу поняла, что это чисто антисемитское дело. Вот насколько это было ясно с разгромом космополитов, борьба с космополитизмом, настолько для меня не было ясно, потому что были арестованы ведь и русские, врачи. И для меня сразу смазалась картина, и я считала, что эти врачи расплачиваются за то, что они слишком много знали и часто делали преступления в общем-то. Потому что, если там, Куйбышев покончил с собой, они подписывали протокол, что он умер от сердечного приступа, и что их именно теперь убирают из-за этого. Я не поняла, что это... то есть, потом поняла, но первое впечатление было, что это за это, что их убирают, потому что это верхушка, которая слишком много знала и участвовала в преступлениях.

И что Сталин решил их убрать, потому что он убирал всех свидетелей своих преступлений. Старался, во всяком случае, вот. И выяснилось, что том, который несколько месяцев переплетался весь тираж и готов весь к вывозу уже к подписчикам, что практически он весь состоит из статей врачей-убийц. Все вот арестованные участвовали вот в этом томе. Значит, спешно задержали выпуск тиража. И спешно заказали каким-то

пешкам написать какие-то ничтожные статьи, отобрали переплеты, напечатали новенькое и стали переплетать эти новенькие. Причем, вот такой вот он вышел, тоненький.. А это был вот такой вот томина. Вот такой вот, жалкеный такой. Но там не было ни одного конечно имени врачей-убийк. И к тому времени, когда кончились крышные работы этого, за это время умер Сталин и выяснилось, что они не убийцы.

Р.: И надо было еще раз переделывать все это.

Н.: Да, потому что все пошло уже на утиль, на резали.

Р.: И еще раз...

Н.: Да, еще раз...

Р.: Ой, Боже мой... И в конце концов издали как более или менее в первый раз.

Н.: Да,

Р.: И точно, где Вы были, когда услышали, по радио, что Сталин умер, или люди Вам сообщили это?

Н.: Нет, по радио. Никто же не выключал радио. Мы все спали с включенным радио. А я поняла, что он или уже умер или умирает, в безнадежном состоянии, когда прочла в сводке о его болезни, анализ мочи. Я поняла, что если у этого Бога оказывается была моча и это опубликовали, потому что ну, вот если была бы вот тысячная надежды, что он останется живой, никто бы не осмелился напечатать анализ мочи. Потому что он оторвал бы голову всем, кто представить себе мог, что у него моча есть и анализ можно сделать. Вот, ну и все было кончено, для меня это не было неожиданностью. Радости я не испытала. Я испытала, как ни странно, все-таки тревогу. Было страшно, что же все-таки будет со страной. Это было чудовище, но было что-то определенное. Но сейчас начнется борьба за власть...

Конец кассеты 6.

*Stalin
int analysis*

Original in the
Howard Gottlieb Archival
Research Center
Boston University

ny 16-28

6 side 2